

100

ЭТИХ ОПЕРНЫХ АКТЕРОВ ВЫ ЗНАЕТЕ

Заслуженный деятель искусств УССР дирижер Стефан Турчак.

Молодые актеры Надежда Костенко и Валерий Ковтун в балете Чайковского «Лебединое озеро».

100 ЛЕТ КИЕВСКОМУ ГОСУДАРСТВЕННОМУ АКАДЕМИЧЕСКОМУ ОРДЕНА ЛЕНИНА ТЕАТРУ ОПЕРЫ И БАЛЕТА ИМЕНИ Т. Г. ШЕВЧЕНКО

МОЛОДОСТЬ художника не всегда совпадает с его возрастом. Нам известны выдающиеся мастера искусства, чей опыт на протяжении многих лет неизменно украшался одной из чудесных особенностей — молодостью, смелостью в решении сложнейших творческих задач. И в этом, мне кажется, существует у нас некоторая традиционность: именно потому для меня всегда станут молодыми такие выдающиеся мастера украинской оперы, как Белла Руденко, Дмитрий Гнатюк, Евгений Мирошник, Юрий Гуляев, Зоя Христин, Сергей Козак, Константин Огневой, Клавдия Радченко. От первых несмелых шагов в искусстве до высоких творческих взлетов проходит их рост, совершенствуется мастерство, шлифуется музыкальная и сценическая трактовка образа в спектакле. Для творчества этих певцов, которые завоевали широкое признание не только в нашей стране, но и во многих странах мира, всегда характерны черты постоянного поиска нового в искусстве. Каждая роль в оперном спектакле обогащается все новыми и новыми оттенками, созданием ярких и убедительных характеров.

Имена солистов театра принесли славу нашей стране победами на ответственных конкурсах певцов в Тулузе и Женеве. Теперь они — ведущие актеры театра, а их эстафету подхватили более молодые коллеги.

И вот уже на международных конкурсах звучат новые имена... В прошлом году театр принесли славу заслуженная артистка УССР Валентина Река победой на конкурсе молодых оперных певцов в Софии, заслуженная артистка УССР Ламара Чокая — лучшей исполнителем партии мадам Баттерфляй в опере Д. Пуччини «Чио-Чио-Салли».

Пополнение, которое приходит к нам из творческих вузов республики, как правило, радует. Пути молодых в искусство, конечно, не одинаковы, но тем не менее имеют много общего. Почти все они пришли к учебе, а потом и в театр через художественную самодеятельность. Именно таким был путь электрослесаря МТС из села Оболотов на Винничине Андрея Ищенко. Сначала выступления в агиткультбригадах и концертах сельской самодеятельности, затем участие в областном смотре и, наконец, первая большая победа: Андрей — лауреат республиканского фестиваля молодежи (1957 год). Будучи на службе в армии и участвуя в военном ансамбле песни и танца, юноша не расстается с мыслью о серьезной учебе вокальному искусству. И после демобилизации Андрей поступает в Киевскую консерваторию. В дипломном спектакле «Травиата» он исполнил партию Альфреда. Выдающийся мастер украинской оперной сцены Лариса Архиповна Руденко предложила юноше спеть эту партию в Киевской опере. Проба прошла удачно — и вот Андрей уже работает над ролью Богуна в опере К. Данькевича «Богдан Хмельницкий».

Потом — Кассино в опере «Отелло» Д. Верди, Василий в опере «Милана» Г. Майборды. Людмила Егорова, будучи студенткой консерватории, участвовала в республиканском конкурсе вокалистов и получила звание лауреата. За два года стажировки исполнила ряд ведущих партий в оперном репертуаре театра. Среди них — Дедалона в «Отелло», Лиза в «Пиковой даме», Милана в одноименной опере и другие. Людмила на удивление требовательна к себе.

ПУТЬ В ИСКУССТВО

Интересна биография Владимира Миркотана. Трудился на шахте, на монтаже доменных печей, был рабочим сцены и мечтал стать настоящим певцом. Мечта осуществилась. Вот уже третий год после окончания консерватории Владимир — солист столичной оперы. Исключительная музыкальная память, трудолюбие, учеба у старших товарищей способствовали быстрому успеху. Владимир настолько занят в спектаклях, что однажды не смог даже выехать в предложенную творческую командировку. Позже это путешествие состоялось — и молодой певец посетил спектакли Большого театра, перенимает опыт коллег, знакомится с искусством актеров музыкального театра имени К. Станиславского и В. Немировича-Данченко. Возвращаясь в Киев, обогащенный новыми впечатлениями, а также значительным пополнением своей фонотеки и множеством книг по вопросам искусства. А в театре сразу работа: готовилась премьера новой оперы, в которой была партия и для Владимира. После репетиций на сцене — работа в классе. Нужно подготовить большую программу для участия в Международном конкурсе певцов имени Глинки, который состоится осенью нынешнего года в столице нашей республики.

А Виктор Тришин, моряк Тихоокеанского флота... Мог ли он мечтать, что ему придется создать образ гетмана Украины Богдана Хмельницкого на сцене киевского театра? Настойчивая работа над оладанием искусством вокала сначала в Московской консерватории, затем в институте искусств в Харькове, участие в республиканском конкурсе вокалистов, где было завоевано первое место, и в Международном конкурсе имени Глинки помогли осуществиться этому желанию. Виктор пел также Томского в опере «Пиковая дама», Леско в опере «Маленький».

Важным творческим вкладом в работу театра стали постановки молодого балетмейстера Анатолия Шекера — балеты «Легенда о любви» азербайджанского композитора А. Меликова, «Данис и Хлоя» и «Болеро» М. Равеля. Эти постановки отличались творческим раскрытием замыслов композиторов, интересными находками в их хореографическом решении.

Вот уже второй год за дирижерским пультом мы видим молодого художника, заслуженного деятеля искусств Стефана Турчака. Он осуществил постановки опер «Отелло», «Милана», балетов «Данис и Хлоя» и «Болеро». А работа самого молодого в нашей стране главного дирижера театра над оперой «Гибель эскадры» получила высокую оценку — коллектив удостоен за постановку этого произведения первой премии на Всесоюзном конкурсе лучших спектаклей к 50-летию Великого Октября.

Во взаимном творческом обогащении, в передаче старшими актерами своего опыта младшим, в наследовании лучших художественных традиций и есть тот вечный источник, который всегда будет способствовать развитию украинского музыкального театра. И это одно из самых больших достижений нашего театра в jubileйном году.

З. ЯВОРСКИЙ.
Заместитель директора Киевского государственного академического театра оперы и балета имени Т. Г. Шевченко.

ЗДЕСЬ ВЫРАБАТЫВАЕТСЯ ТАЙНА

Из поколения в поколение передается легенда о непостижимой тайне обаяния театра, создающей весь театральный быт. Несомненно, пробыть под чарами до конца своих дней. Утверждают, будто бы даже рабочие сцены на всю жизнь отравляются особенным ядом лицедейства и уж нигде не могут более найти себя, а возвращаются неизменно под театральные своды. Если и есть в этой популярной легенде неизбежная доля преувеличения, то есть, очевидно, и правда своя.

Приходилось ли вам сидеть в темном, пустынном зрительном зале, когда память об аплодисментах, высоких театральном страсти уже остывает, и наблюдать, как в мягком полусвете сцены почти бесшумно движутся рабочие, сменяя почитательно купола, перебивая бутафорские деревья, скалы, обаявая черную неприглядную путаницу задников, кулис, канатов, блоков? Есть в их движениях особая, многозначительная замедленность, торжественность, как будто всем передается сознание важности той единственной минуты, когда искусство уже солекает с себя блестящие покровы, но еще не вступила в силу реальность в виде брошенных, сложенных в углу пыльных декораций.

Может быть, именно эта косвенная причастность к профессиональному тайнам обаяния искусства удерживает большинство технических работников сцены долгие годы в одном месте, делая их преданными поклонниками своего театра, «своей» режиссерской системы, «своих» актеров. И, может быть, наличие в каждом театре неизменного десятка людей, долгие годы изо дня в день любовно радеющих, пекущихся о его громадном хозяйстве, позволяя «храму искусства» оставаться для зрителя храмом, помогает складываться и сохраняться в нем той особенной, всегда индивидуальной атмосфере, составными частями которой является принятый стиль, тон, эстетический вкус не только на сцене, но и в зрительном зале, за кулисами, в фойе.

Пройдемтесь этажами, подвалами, чердаками, коридорами, лестницами, бесчисленными закоулками огромной державы, которая именуется Киевским театром оперы и балета.

Легко представить себе эмоции новичка, забредшего в лабиринт, завывающий за толстыми молчаливыми стенами в самом центре большого столичного города. Его ожидает увлекательнейшее, единственное в своем роде путешествие не только в пространстве, но и во времени. А если он, по примеру известной голливудской героини, выходящей из гротеска идеальной жемчужины («если бы губы Никанора Ивановича да приставить к носу Ивана Кузьмича...»), мечтал когда-либо о своем вольном звании колдуньи ХХ века, гремевший мазуркой и балльным блеском XIX и могучий пульс XX, то здесь его ждет полное, совершенное исполнение желаний.

Земля людей, существующая тысячелетия, собралась здесь бесстрастные свидетели веков, культур, сменявшихся идеалов. Здесь вычурное барокко не отрицает строгий романский стиль. Сами богатый и причудливый гардероб в мире наводит на размышления о долгой, равно прекрасной эволюции человеческой одежды от шкуры леопарда к мини-юбке. Здесь рождается высокое чувство сопричастности к многовековой культуре, наследниками которой мы являемся.

Ждет вас и важное знакомство с питательным этот громадный механизм артериями — многочисленными подполками мастерицами: слесарями, столярными,

декоративными, бутафорскими, реквизиторскими, пошивочными, где создается весь театральный быт. Несомненно, пробыть под чарами до конца своих дней. Утверждают, будто бы даже рабочие сцены на всю жизнь отравляются особенным ядом лицедейства и уж нигде не могут более найти себя, а возвращаются неизменно под театральные своды. Если и есть в этой популярной легенде неизбежная доля преувеличения, то есть, очевидно, и правда своя.

И всюду на посту вам встретятся люди, неутомимо несущие будничную вахту. В академическом театре не может быть не вовремя поднят занавес, с опозданием погашен свет. Здесь царствует свой точный, десятилетиями выработанный ритм труда, и нарушить его — значит совершить святотатство.

Загляните в десять утра в репетиционный зал, где идет урок, где с легкой стойкой, элегантно опоясывающей коммату, пригвождены тоненькие девушки. Прислушайтесь к глухому, мерному, упорному стуку ног, плечевых пувантикам. Не правда ли, он напоминает вам скорее об изнурительном труде, чем о знаменитом пушкинском «быстрой ножкой конюх бьет»?

С одинадцати до двух, и с шести до девяти вечера и позже идут репетиции готовящегося спектакля. Пусть не удивят вас тяжелое, прерывистое дыхание, пот, покрывающий аскетически тонкие лица и шею в глубоком вырезе трико, мохнатые потопоты, напоминающие о ринге. Кстати, захватите с собой мам, мечтающих о балетной карьере для дочерей. Откройте им истинно о волшебном, вневременном полете танцовщицы на сцене, искусно и коварно скрываемую дивную его невероятную выносливость, тяжелый труд, напряжение всех духовных и физических сил.

Обратите внимание, каким титаном, мучителем предстает репетитор, балетмейстер. Как он неутомимо требователен, суров, педантичен.

Но не негодуйте на него.

«Однажды мне привелось наблюдать удивительную домашнюю сцену. Две пожилые женщины, опытные балетмейстеры, после длинного трудового дня, после спектакля, данного их юными воспитанниками, до глубокой ночи неутомимо мучили себя, снова и снова повторяя движения нового танца, который должны были показать завтра своим ученикам.

Вместе с ними безропотно мучился и дирижер оркестра, сопровождавший их ночной урок игрой на фортепьяно.

Сквозь неловкие и совсем не изящные движения двух немолодых женщин весело и уверенно проглядывало будущее очарование будущего спектакля...

«Остановитесь теперь в самом центре этого большого, напряженного пульсирующего дома. Со всех сторон на вас бросаются звуки. Услышите, как согласно где-то следуют друг за другом арфа и виолончель, как стучит дирижерская палочка о пюпитр, как приравливаются лирический тенор к хору, глухо, методично отстукивают пюпитры, как складывают, чинят, строят, иррадируют, как шипит, улетает и рвется непослушная нитка...

Сложный, громадный организм, все звенья которого взаимосвязаны, вот уже 100 лет вырабатывает ежедневно и ежевечерне ту обязательную тайну театра, приобщение к чарам которой, как утверждают, не проходит ни для кого безнаказанно.

Л. ЛЕМЕШЕВА.

ЭТИХ ОПЕРНЫХ АКТЕРОВ ВЫ ЗНАЕТЕ

Заслуженная артистка УССР Валентина Река в роли Кармен в опере Бизе «Кармен».

Лауреат комсомольской премии имени Н. Островского Анатолий Мокренко в роли Онегина в опере Чайковского «Евгений Онегин».

Народная артистка СССР Евгения Мирошник в роли Лакме в опере Делиба «Лакме».

Заслуженный артист УССР Александр Чулок-Загря в роли Мефистофеля в опере Гуно «Фауст».

СЕГОДНЯ И КАЖДЫЙ ДЕНЬ...

КЛАВКА, кончай ты драить этот вагон! Сороки его унесут, так вместо «спасибо» выговор тебе вкатают! В клуб сегодня пойдешь? ... — Клавдия Павловна, вы можете после спектакля пойти ко мне? Вас тут корреспондент дожидается... По маленькому железно-дорожному поселку Шевченковское бежит в клуб на репетицию молоденькая проводница Клава.

В репетиционной Киевского оперного театра молодая певица, заслуженная артистка республики в десятый раз повторяет арию Марфы из «Парской невесты». Мне кажется, все прекрасно. Она недовольна: «Нет. Не получается».

Им уже никогда не встретиться, Клавке-проводнице и певице Клавдии Павловне. Между ними расстояние, которое нельзя преодолеть даже на самой быстрой машине, разве вот только машине времени. Но если бы вдруг могло случиться так и они столкнулись бы лицом к лицу, то остановились бы и долго-долго рассматривали друг друга. Клава хмыкнула бы смущенно и недоверчиво, серые глаза стали бы еще больше: «Ой, неужели буду вот такая? Не верится мне, девочки...» Клавдия Павловна улыбнулась бы тоже удивленно и чуть грустно, как всегда улыбаются люди, глядя на свою далекую фотографию из молодости: «Ой, смешная какая была... Неужели это я?»

Клавдио Павловну Радченко осаждают корреспонденты. Она поет в оперном Микаэлу, Марфу, Дедалону, Мини...

Ох, как ей завидует Клава с подружками, ох, как завидует. Ну что за жизнь, ничего не делаю, пой себе с утра до вечера, да и все. А вечером выходя на сцену в концерт или прямо в настоящей опере, огни сверкают, цветы летят к ногам, в зале публика кричит «бис, бис», а ты кланяешься по-особому как-то, надо бы девчат в клубе научить так кланяться... Ой, до чего же красивая жизнь! Клава, а правда, езжай ты в эту самую консерваторию, чем черт не шутит, а вдруг поступишь? Даром на всех смотрах только и слышно «талант! да талант!» А вдруг ты и вправду — талант? Слышь, Клава, ты там как вдарь им нашу, же-

но. Каждый следующий экзамен хлестал по ее самолюбию наотмашь: «Не знаете. Не знаете. Не знаете».

На истории музыки преподавательница пожала плечами.

— Ну хорошо. Я у вас уже ничего не спрашиваю. Но вы хотя бы знаете, кто это?

Она показала на большую портрет, висевший на стене. «На Чехова похож».

— Не знаю...

Преподавательский перст стукнул по столу.

— Это Петр Ильич Чайковский, девушка...

...Ее же приняла. Пятер-

А в зале уже звучала увертюра. Клава выскользнула на сцену. Там в гримуборной она могла бы реветь еще два часа, но здесь театр мгновенно и деловито забрал ее слезы и переживания и отставил их куда-то на потом. И вытолкнул в большой шумный диванго-щий горло маленькую робкую Микаэлу. Она испуганно, но с любопытством оглядывалась на важных гуляющих горожан, на красноречивого булочника, на мальчишек, пригарающих впереди солдатского строя. Какой-то озорной офи-

цер присанился, подкрутил усы, прищелкнул каблучками: — Бригадир? Вот я.

И она ответила доверчиво, а голос ее дрогнул, когда произнесла с надеждой и радостью имя любимого:

— Нет, тот, кого найти хочую я, — дон Хозе, знаете его?

И в зале стало тихо-тихо от этого голоса, от того, что появилась настоящая Микаэла и принесла с собой сильную, ясную, вечную любовь свою.

...Клава Павловна, вас тут корреспондент дожидается.

— Сейчас половина второго. Давайте вечером, часов в десять.

...Она с утра в театре. Репетиция, спектакль, вечером опять репетиция, спектакль. Завтра — «Кармен».

Сколько раз они уже пели ее. Клава — спела Микаэлу раз пятьдесят, не меньше. А все, как впервые.

Неустойчив Турчак неутомим. Не так произнесенное слово, не совсем верная интонация, некое звучание — хлопок в ладоши: снова! Он пел накали до предела, он не понимает, что значит работать неполосил, играть неполосил.

Я просто молча сижу в уголке, но у меня страшно устала и не понимаю, как они вытерпели такую сумасшедшую ритм. Я смотрю на Турчака: — Изверг...

...Клава Павловна, вас тут корреспондент дожидается.

— Сейчас половина второго. Давайте вечером, часов в десять.

...Она с утра в театре. Репетиция, спектакль, вечером опять репетиция, спектакль. Завтра — «Кармен».

Сколько раз они уже пели ее. Клава — спела Микаэлу раз пятьдесят, не меньше. А все, как впервые.

Неустойчив Турчак неутомим. Не так произнесенное слово, не совсем верная интонация, некое звучание — хлопок в ладоши: снова! Он пел накали до предела, он не понимает, что значит работать неполосил, играть неполосил.

Я просто молча сижу в уголке, но у меня страшно устала и не понимаю, как они вытерпели такую сумасшедшую ритм. Я смотрю на Турчака: — Изверг...

Э. ДАВИДЕНКО.